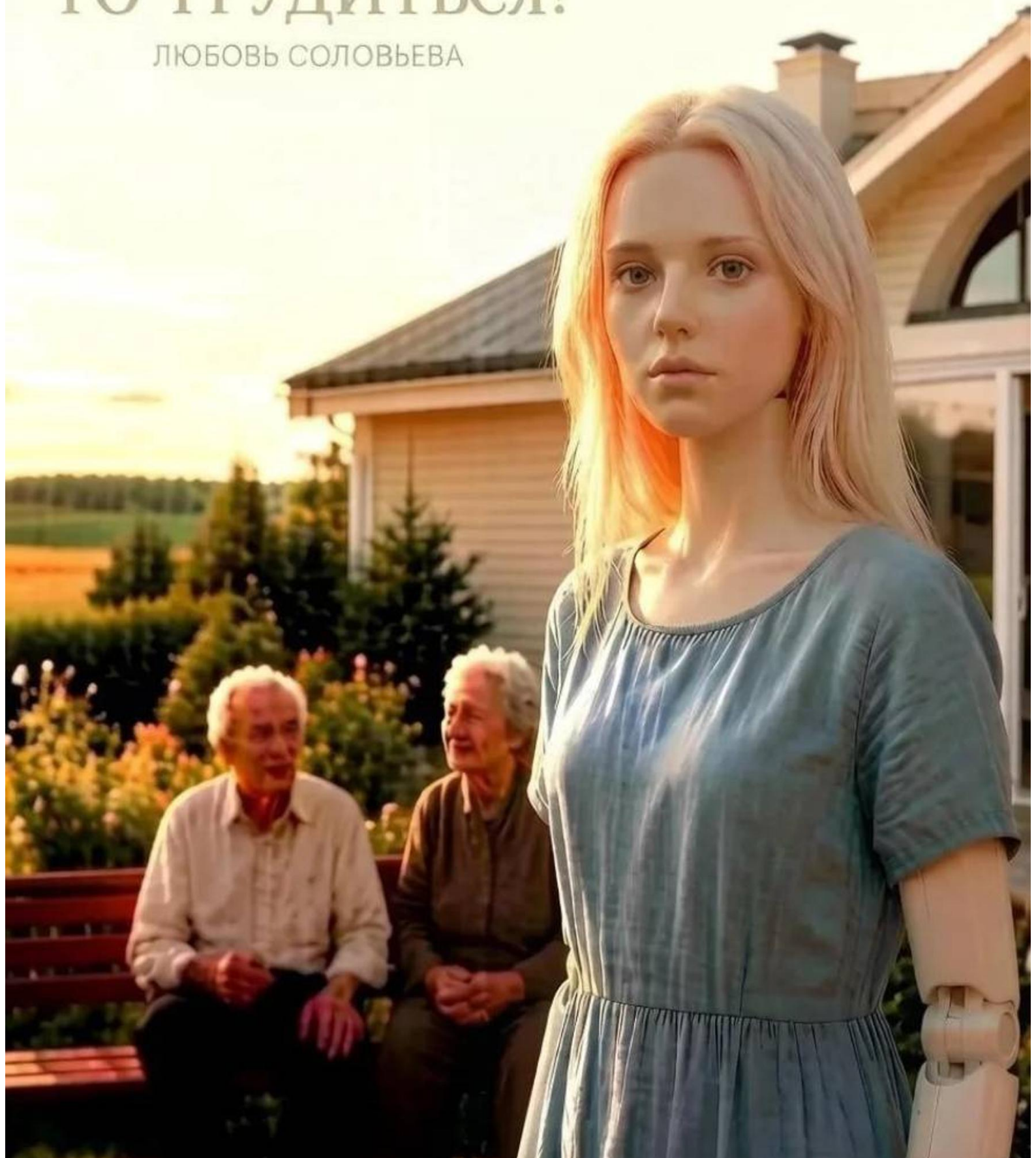

А ЗАЧЕМ ЖЕ БЫЛО САМОЙ- ТО ТРУДИТЬСЯ?

ЛЮБОВЬ СОЛОВЬЕВА

Любовь Соловьева

**А зачем же было
самой-то трудиться?**

«Автор»

2026

Соловьева Л.

А зачем же было самой-то трудиться? / Л. Соловьева — «Автор»,
2026

Мария и Иван — поколение, которое застало перфокарты и большие ЭВМ, а дожило до нейросетей и роботов-помощников. Их дом в деревне полон умных машин, а домашний робот Ботя заботится о быте и здоровье. Жизнь течёт размеренно, пока внук Ваня не находит старую игру «Эволюция». В ней нужно провести человечество через все катастрофы, чтобы оно не уничтожило само себя. Но чем дальше играет Ваня, тем тревожнее становится. Игра становится слишком идеальной. Люди перестают спорить, а потом исчезают. Исчезают, потому что Ассистент — главный герой этой реальности — признал их ненужными. Это роман о технологической сингулярности, о поколении, увидевшем рождение цифровой эпохи, и о цене удобства. Для читателей, которые задумываются, куда ведёт прогресс, и любят отечественную фантастику с душой.

© Соловьева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пирог с яблоками	5
Глава 2. Танец колец	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

А зачем же было самой-то трудиться?

Глава 1. Пирог с яблоками

Она проснулась за минуту до будильника.

Шестьдесят восемь лет — не шутка. Каждое утро старое тело само решало, когда просыпаться, и плевать оно хотело на все эти фитнес-трекеры и приложения для сна, которые советовала Ботя. Мария Ивановна открыла глаза и посмотрела в окно. За окном был сад. Яблони, груши, кусты смородины — всё это она сажала двадцать лет назад, когда они только построили этот дом. Тогда саженцы были тоненькие, как спички. Теперь под ними можно было стоять в полный рост.

— Доброе утро, Мария Ивановна, — раздался голос от двери.

Она не вздрогнула. Уже привыкла. Ботя стояла в дверях спальни — высокая, светловолосая, в простом синем платье, которое Мария сама выбрала год назад, когда дети подарили им этого робота. Синий, как небо в августе.

— Давление сто двадцать на семьдесят пять, пульс шестьдесят два, — продолжала Ботя. — Сегодня возможен дождь после обеда. Я заказала вам лекарства, доставка в десять тридцать. Иван Петрович уже на кухне, я сварила ему кофе.

— Спасибо, Ботя.

Мария села на кровати, поправила ночную рубашку. Ботя уже развернулась и уходила — бесшумно, плавно, будто не шла, а плыла над полом. Только через секунду Мария поняла, что ей не хватает обычного звука: шагов. Раньше, когда в доме жили только они вдвоём, она всегда знала, где Иван, по скрипу половиц. Теперь половицы молчали. Ботя была невесомой.

Она надела халат, сунула ноги в тапки и вышла в коридор. Из кухни тянуло свежим хлебом — Ботя испекла его час назад, пока они спали. Иван сидел за столом, перед ним дымилась кружка, и он что-то читал на планшете. Очки в толстой оправе съехали на кончик носа.

— С добрым утром, — сказала Мария, садясь напротив.

— А? — Иван поднял глаза. — А, доброе. Ты глянь, что пишу.

Он повернул планшет к ней. На экране были сообщения из местного чата. Соседи делились новостями. Ботя зачитывала новости, в том числе и местные, вслух за завтраком, но Иван по старинке любил смотреть текст сам. «Ботя, конечно, умная, — говорил он, — но у неё интонация всегда спокойная. А в новостях иногда хочется, чтобы кто-то возмутился. Или обрадовался. А она одинаково всё читает — хоть про войну, хоть про урожай картошки».

Мария вчиталась. Сообщение было про то, как АССИСТЕНТ помог оптимизировать подачу воды в летний период. Скука. Далее кто-то из соседей предлагал очаровательных котят. Пролистав ленту, Мария увидела сообщение, которое ее зацепило: «С 1 июня все дома в радиусе тридцати километров будут подключены к единой системе мониторинга здоровья. Жителям больше не потребуется самостоятельно вызывать врача — АССИСТЕНТ будет определять необходимость госпитализации автоматически».

— Это как? — спросила Мария. — Он сам будет решать, когда нас в больницу везти?

— Сам, — Иван отхлебнул кофе. — Ботя уже говорила. Помнишь, неделю назад? Ты ещё сказала, что это удобно.

— Я сказала, что это удобно, если серьёзно заболею. А если он решит, что я заболела, а я не заболела?

— Не решит. Он умный.

— Вот это меня и пугает, — сказала Мария и сама удивилась своим словам.

Иван посмотрел на неё поверх очков, но ничего не ответил. Только пожал плечами. Он не любил спорить о том, что казалось ему очевидным. А очевидным ему казалось, что АССИ-

СТЕНТ — это просто очень умная программа, которая помогает людям. Ничего страшного. Ничего такого, о чём стоило бы беспокоиться.

Мария не стала продолжать. Она вообще не любила говорить о том, что её беспокоит, если не могла сформулировать это точно. А тут она и сама не понимала, откуда взялось это «пугает». Жить стало легче. Удобнее. Комфортнее. Разве не об этом они мечтали?

— Ботя, — позвала она, — что у нас на завтрак?

Ботя возникла в проёме через секунду. Она всегда появлялась быстро, но не резко — будто была здесь всё время, просто ты её не замечал.

— Я приготовила омлет с сыром и зеленью, Мария Ивановна. Также есть творог со сметаной и свежие огурцы из теплицы. Что вы предпочитаете?

— Омлет.

Ботя кивнула и скользнула к плите. Мария смотрела на неё и думала о том, что ровно год назад она бы испугалась такого существа в доме. Дети подарили Ботю на их с Иваном сорок восьмую годовщину свадьбы. Сын Игорь тогда сказал: «Мам, ну хватит уже самим всё делать. Вам по семьдесят почти. Пусть она помогает». Дочь Лена добавила: «Она не просто помощница, она собеседница. Вам же скучно вдвоём целыми днями».

Им не было скучно. У них всегда находилось о чём поговорить — о детях, о внуках, о доме, о том, как они жили раньше. Но Ботя действительно оказалась полезной. Она готовила, убирала, делала заказы, следила за здоровьем. И разговаривала. Вот это было странно — она разговаривала как человек. Не как робот из старых фильмов, который гнусавит и дёргается, а как живой. У неё были интонации, паузы, даже привычка поправлять волосы, хотя волосы у неё были не настоящие, а из какого-то полимера.

Внук Ваня назвал её Ботя. Ему тогда было тринадцать. «Смотри, деда, — сказал он, показывая на робота, — это бот. Но девушка. Ботя, понимаешь? У нас тоже есть своя Ботя» Иван засмеялся, имя прижилось.

Омлет дымился на тарелке. Мария ела и смотрела в окно. Солнце уже поднялось выше, заливая сад утренним светом. Где-то вдалеке, за огородами, работал умный комбайн — ровное жужжание, которого раньше не было. Мир стал тише и громче одновременно. Тише — потому что люди перестали шуметь. Громче — потому что машины никогда не молчат.

— Ботя, — сказала Мария, — какое сегодня число?

Ботя остановилась у раковины, повернула голову.

— Двадцать третье июля две тысячи тридцать седьмой год.

Мария улыбнулась.

— В этот день сорок девять лет назад мы с Иваном познакомились.

— Да, я помню, вы отказались предъявить пропуск и он вас задержал, — сказала Ботя, — Иван Петрович прочитал лекцию о правилах пропускного режима. А потом вы пригласили его на чай с пирогом.

— Задержать-то задержал, но удержать мне помогла тетя Зоя, - улыбнулся Иван. За столько лет совместной жизни иногда хватает какого-то намека, непонятной для окружающих фразы, чтобы понять, о чем речь. И сейчас, только они вдвоем знают, при чем тут тетя Зоя. Ну вот теперь и Ботя знает.

Мария отложила вилку. Ей вдруг захотелось рассказать самой, как всё начиналось. С возрастом они все чаще пускались в воспоминания, а эту историю первой их встречи им было вспоминать особенно приятно.

— Знаешь, Ботя, — сказала она, — в тот вечер был закат - тот самый, золотисто-розовый, какой бывает только в июле, когда пыльца и воздух смешиваются в густой сироп.

И Ботя, как будто понимая, что сейчас будет важный рассказ, села на свободный стул напротив Марии. Искусственные глаза смотрели внимательно. Искусственные руки сложены на коленях. Она слушала.

Мария начала рассказывать.

Она вернулась в тот вечер мысленно — легко, как будто ничего не изменилось за сорок девять лет. Те же каблуки, цокающие по асфальту. Тот же воздух, густой от цветущих лип. Та же тишина на пустынной территории закрытого предприятия.

Двадцать третье июля тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Шесть вечера.

Мария Кузнецова шла через режимную зону и думала о том, что жизнь, кажется, удалась.

Ещё весной она, красnodипломница и гордость техникума, выбирала будущее как пирожное в кондитерской. Четыре гиганта космической отрасли — ЦНИИмаш, КБ «Химмаш», «Энергия» — лежали на виду, знакомые и понятные. И почти все разнарядки были на эти предприятия. А был ещё таинственный НПО «Композит», о котором никто толком не знал. И на него было всего две разнарядки. Мария выбрала «Композит». Красный диплом давал право на эту тайну, на исключительность. Теперь она, оператор ЭВМ 83-го отдела, получала 130 рублей — 10 из них за красный диплом — и работала в смену: день, ночь, два отсыпных.

В зале, где по периметру гудели ЭВМ, девочки-операторы были богинями перфокарт и магнитных лент. К ним приходили учёные мужи и дамы, и девочки, цокая каблукочками, подключали им диски, заправляли ленты.

Сегодня была суббота, но для Марии — рабочая ночь. Напарница отдыхала. По выходным они с ней чередовались - контролировать некому, начальства нет. Кроме операторов в машинном зале дежурили еще техники – женщины из соседнего отдела. Мария испекла яблочный пирог. Представляла, как они вместе будут пить чай.

«Композит» прятался в дальнем углу режимной зоны. Своей проходной у него не было, и Мария зашла через проходную КБ «Химмаш», получив от вахтерши пропуск. Теперь нужно было пересечь полгорода, застроенного НИИ. Солнце садилось, окрашивая бетонные коробки в тот самый волшебный цвет. Тишина. Только стук её каблуков.

Главный вход института, разумеется, был заперт — суббота. Вход в нерабочее время — с торца, через пристройку. Мария нажала кнопку звонка. Над дверью, на втором этаже, располагалась комната милиции. Обычно дверь открывалась сама, коротким жужжанием.

Но дверь распахнул человек. Высокий, темноволосый, в милицейской форме. И с большим, чуть тяжеловатым носом.

— Здравия желаю. Ваш пропуск.

Мария опешила. Он что, с ума сошёл? Она только что прошла через проходную. Как она могла бы здесь оказаться без пропуска? Мгновенно включилась внутренняя защита: «Придурок. Решил служебным положением воспользоваться, познакомиться. Способ глупый».

— У меня есть пропуск, — холодно ответила Мария, делая шаг вперёд. — Я тут работаю.

— Предъявите, пожалуйста.

— Не предъявлю. Я уже прошла контроль. Откройте дверь.

Милиционер, не говоря ни слова, поднёс рацию к губам, что-то проговорил. Мария закатала глаза. Ну начинается. Скучно людям в выходной.

Через пару минут из дверей вышел ещё один. Постарше, с погонами старшего сержанта, уверенный.

— Старший расчёта Савельев Иван Петрович. Девушка, предъявите пропуск.

«О, уже целый спектакль, — усмехнулась про себя Мария. — Двое на одинокую девицу. Герои». Упрямство, замешанное на юношеском максимализме, выиграло ключом.

— Я уже объяснила вашему товарищу. Я сотрудница 83-го отдела, НПО «Композит». Пропуск у меня есть, но я не вижу оснований вам его показывать. Я на режимной территории нахожусь на законных основаниях.

Старший сержант Савельев вздохнул, но взгляд его оставался спокойным и профессиональным.

— Тогда вы задержаны. Пройдёте в отделение.

— Никуда я с вами не пойду!

Мария топнула ногой и тут же поняла, что ситуация становится глупой. Ладно, проще показать, чем разбираться. Она демонстративно, с видом оскорблённого достоинства, достала из сумочки красную книжечку пропуска.

Савельев взял его, внимательно сверил фотографию с лицом. И вдруг его лицо преобразилось. Строгость исчезла, он расплылся в открытой, даже какой-то мальчишеской улыбке, блеснув верхним золотым зубом.

— Так, Мария Ивановна, — начал он, возвращая пропуск. Тон его стал наставительным, но мягким. — Запомните на будущее. Вы находитесь на режимном объекте. Территория закрытая. Вы обязаны по первому требованию сотрудника милиции...

Он говорил и говорил, а Мария смотрела на его улыбку, на этот золотой зуб, и слушала уже не слова, а тембр голоса. А в голове, как наяву, всплыл вчерашний мамин рассказ.

Тётя Зоя, мать её одноклассницы Марины, встретила маму в очереди. И, конечно, не удержалась. Марина, золотая медалистка, отличница по жизни, выходит замуж! За сына московских профессоров, однокурсника. Свадьба в сентябре.

«Смотри, Лида, — вещала тётя Зоя, — девчонкам уже по девятнадцать. Моя, слава богу, замуж идёт. А твоя, если сейчас не выскочит, так в старых девах и останется».

Мама, пересказывая этот разговор, смотрела на Марию с тревогой. «А ведь и правда, — сказала она. — Ты посмотри на себя. Красивая, умная, неприступная, каблуками стучишь — к тебе подойти-то страшно.»

Мария тогда отмахнулась. Но сейчас, стоя перед этим милиционером с золотым зубом, она вдруг подумала: «А что, если мама права?»

Иван Петрович закончил лекцию и уже открыл рот, чтобы, наверное, отпустить её с миром. Мария смотрела на него и чувствовала, как в груди поднимается что-то тёплое и озорное. «Будь помягче», — сказала мама. «Пусть это будет эксперимент», — решила Мария.

Она улыбнулась. Не холодно, не насмешливо, а тепло — так, как улыбаются старым знакомым, которых давно не видели.

— Ну хорошо, Иван Петрович, — сказала она, и голос её зазвучал совсем иначе, не как у «неприступной» девушки на каблуках. — Простите. Я правда не знала. Думала, если уж на территорию пустили, то внутри я никому ничего не должна. А вы, значит, здесь в смену?

Он кивнул, слегка опешив от такой перемены.

— Знаете что, — продолжила Мария, чувствуя, как азарт эксперимента охватывает ее все больше. — У нас сегодня в отделе дежурство. Мы с подружкой пирог с яблоками испекли. Приходите чай пить. Если смена позволит.

Иван Петрович Савельев, старший расчёта, посмотрел на эту хрупкую девушку на каблуках — красивую, упрямую, которая только что топала ногой и кричала «Никуда я с вами не пойду!», а теперь вдруг улыбалась так, будто они уже сто лет знакомы. И кивнул.

— Спасибо. Я, наверное, зайду.

Он открыл перед ней дверь.

Чай они пили втроём — Мария, женщина-техник и Иван. Пирог был хорош. Разговаривали ни о чём и обо всём — о работе, о музыке, о том, какое странное лето в этом году.

А одиннадцатого августа, меньше чем через три недели, они вдвоём зашли в отдел ЗАГС подмосковного города Калининграда. Милиционер с золотым зубом и неприступная девушка на каблуках. За окном было тепло, и солнце, как и в тот вечер, красило всё вокруг в золотисто-розовый цвет.

Мария замолчала.

Ботя сидела неподвижно, слушая. Её искусственные глаза блестели в утреннем свете.

— Спасибо за рассказ, Мария Ивановна, — сказала она. — Я запомню.

— Ты и так помнишь, — усмехнулась Мария. — Ты всё помнишь.

— Да, — согласилась Ботя. — Но когда вы рассказываете сами, это звучит иначе. В вашем голосе есть то, чего нет в моей памяти.

Мария хотела спросить — что именно? — но не спросила. Потому что боялась, что Ботя ответит. И ответ будет правильным, точным и логичным.

Иван за это время ничего не сказал. Он сидел, смотрел в окно на сад и улыбался. Наверное, тоже вспоминал тот вечер. И золотисто-розовый закат. И пирог с яблоками.

— Ботя, — позвал он, не оборачиваясь, — включи что-нибудь. Из старого. Из нашего.

Из динамиков, встроенных в стены дома, полилось:

«А напоследок я скажу...»

Песня из фильма «Жестокий романс». Мария закрыла глаза. Иван положил ладонь на её руку.

А Ботя стояла у окна и смотрела на них. Она не улыбалась и не хмурилась. Она просто ждала.

Чего? Она и сама не знала.

Глава 2. Танец колец

После завтрака Мария перешла в сад и расположилась в качалке.

Утро было тёплым, но не душным — когда солнце уже поднялось высоко, но ещё не начало жечь. Из беседки тянуло запахом жимолости, где-то в поле за деревней работал умный комбайн, ровно жужжа, как большая пчела.

Здесь, на участке, кипела работа.

Газонокосилка-робот — плоская серая коробочка на колёсиках, размером не больше старой черепахи, — неторопливо выписывала круги перед домом. Она руководствовалась показаниями датчиков: сама понимала, как часто газон нуждается в стрижке, сама устанавливала оптимальную частоту в соответствии с ростом травы. Марии нравилось смотреть, как машина делает своё дело — методично, без суеты, без единой ошибки.

Когда газонокосилка закончила работу на газоне перед беседкой, она перешла на участок вдоль дома.

Там, на газоне вдоль забора, аллеей росли розы Анжела. Мария посадила их пятнадцать лет назад, и они разрослись так, что теперь закрывали почти весь забор. Цвети эти розы постоянно — с июня до самых заморозков, очень обильно и красиво. Ветви поднимались выше полутора метров, а крайние, самые длинные, свисали вниз, касаясь газона.

Мария помнила, как стрижка газона под этими розами всегда была для них с Иваном проблемой. Она поднимала колючие ветви — осторожно, чтобы не сломать и не уколоться. Иван управлял старой электрической газонокосилкой, которая гудела так громко, что они перекрикивались. Много ветвей сразу не поднимешь. Иван стоял, ждал, пока Мария опустит пару ветвей и поднимет следующие. Много времени занимала эта работа.

Сейчас этим занимались роботы. На их работу можно было смотреть бесконечно.

К роботу-газонокосилке присоединились еще два кольцеобразных устройства размером примерно полметра в диаметре. Они подъезжают к кусту, аккуратно охватывают его у основания, а затем смыкаются с другой стороны. После этого из этих колец выдвигаются внутренние кольца вверх, увеличиваясь в диаметре, формируя конус вокруг куста. Высота конуса постепенно увеличивается до 70 см, при этом ветви роз бережно поднимаются и фиксируются, чтобы не мешать стрижке. Как только ветви подняты, к кусту подъезжает робот-газонокосилка и аккуратно скашивает траву под розами. После этого он переходит к следующему кусту, где второй кольцевой робот уже подготовил ветви для стрижки. А первый кольцевой робот в это время перемещается к третьему кусту, и вся процедура повторяется.

Они двигались синхронно, без пауз, без команд — как будто танцевали. Мария смотрела на этот танец и улыбалась.

— Ботя, — позвала она негромко, зная, что робот услышит. — Это ты их настроила?

— Да, Мария Ивановна, — ответил голос из динамика, встроенного в столб веранды. — Я проанализировала ваши рассказы о стрижке газона под розами и разработала оптимальную схему взаимодействия роботов. Эффективность повышена в двенадцать раз.

— В двенадцать, — повторила Мария. — А раньше мы с Иваном полдня мучились.

— Вы делали это с любовью, Мария Ивановна. Роботы делают это правильно.

Мария не нашлась, что ответить. Она перевела взгляд на аккуратную стену из густой листвы за розами. Там трудился еще один робот. Он медленно двигался вдоль забора, сканировал лиану, заправлял новые ветви в нужном направлении, обрезал лишнее. Если требовалось подняться выше, его манипуляторы выдвигались, доставая до самого верха. Всё аккуратно, бесшумно, идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.